



АЛЕКСАНДРА АННЕНСКАЯ

Анна

RUGRAM



УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А68

Анненская А.

А68 Анна / А. Анненская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 118 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77656-6

В рассказе «Анна» утверждается соломонова истина, что богатство — прах и тлен, и глупо искать дружбы богатых, которые, если ты обеднеешь, завтра с презрением отвернутся от тебя. Знатность тоже ничего не значит — это доказала революция. Анна, девочка, выросшая в деревне у бабушки и няни, привыкла играть с крестьянскими детьми, бегать босиком и лазать по деревьям. Но вот ее забирают в Петербург к отцу и дяде, там ее приучают ходить в перчатках и с зонтиком, пользоваться услугами горничной. И через несколько лет она, приехав в родное село, уже не разговаривает с бывшими друзьями, с «деревенщиной» — они должны знать свое место. Но здесь — новый поворот судьбы: дела ее отца расстроились, вскоре он умирает от удара — и в семье ее дяди, которая вначале вывозила ее на балы и учила, как нужно держать себя, уже считают, что им «неудобно с ней жить», и намекают, что ей надо уехать. И только вернувшись назад к бабушке, девушка понимает, где у нее были настоящие друзья и настоящая любовь.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77656-6

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022



Глава I

Село Опухтино вытянулось почти правильным рядом почерневших и покосившихся от времени изб на берегу речки, превращавшейся каждую весну в широкую, бурливую реку и казавшейся летом маленьким ручейком, тихо журчавшим на дне широкого оврага. От реки деревня отделялась широкой улицей, пыльной во время засухи и страшно грязной во время дождей, да нешироким лугом, который весной был обыкновенно залит водой, в июне пестрел красными, желтыми и лиловыми цветами, а к концу лета покрывался копнами душистого сена.

С одной стороны деревни возвышалась старая деревянная церковь с невысокою, несколько покривившеюся от времени колокольнею, с другой — стоял небольшой домик, своей постройкой отличавшийся от сельских изб. Он отделялся от остальной деревни огородом, засаженным капустой, луком, морковью и репой; перед окнами его разведен был маленький цветник, а сзади к нему примыкал огромный запущенный сад, с длинными, темными аллеями лип, тополей и кленов, с развалившимися беседками и мостиками, с искусственно-насаженными рощицами, до половины скрывавшими когда-то великолепный барский дом, пришедший теперь в полное запустение.





В одно августовское утро, когда солнце только что выглянуло из-за горизонта и не успело обогреть землю своими лучами, девочка лет десяти осторожно отворила дверь домика и быстрыми шагами направилась к калитке, которая из цветника вела на улицу деревни.

— Аня, Анюточка, куда это ты? — раздался за ней старушечий голос. Одно из окон домика отворилось, и из него выглянула седая голова.

— А я, бабинька, в лес, за черникой, — ответила девочка, подбегая к окну, — нас много ребят идет!

— Ну, иди себе с богом! Да ты покушала ли чего-нибудь?

— Как же, бабинька! Я ходила с няней доить Машку и выпила парного молока, и няня мне дала лепешки с творогом: я половину съела, а половину с собой взяла.

Девочка приподняла кузовок и показала большой кусок ржаной лепешки с творогом, лежавший на дне его. Старушка добродушно усмехнулась, а Аня, боясь дальнейших расспросов, пустилась со всех ног бежать по аллейке цветничка и затем по улице деревни к большому камню, у которого дети назначили сборный пункт перед отправлением в лес. Три мальчика и две девочки уже сидели подле камня, поджидая остальных, и минут через десять после прихода Ани вся компания, состоявшая человек из пятнадцати деревенских детей, оказалась в сборе.

Лес расстилался на противоположном деревни берегу реки. Дети перебежали мост, перекинутый против церкви, и с веселым смехом разбрелись по густой темной чаще, едва освещенной косыми лучами солнца. Черники в лесу оказалось много, но кузовки наполнялись довольно медленно. Во-первых, каждому хотелось отложить часть — и значительную часть — ягод в рот; во-вторых, в лесу, кроме ягод, было много удовольствий. Мальчики влезали на верхушки деревьев, девочки прятались в кусты, все собирали еловые шишки и бросали их друг в друга; кто-нибудь открывал белочку, притаившуюся в ветвях; нужно было спугнуть ее, чтобы полюбоваться



ее ловкими прыжками, и потом проследить, куда она денется; другой находил ежа, свернувшегося колючим клубком в траве, — его также нельзя было оставить без внимания. А птичьи гнезда! Как же не исследовать, не найдется ли в каком-нибудь из них запоздалых яичек или неоперившихся птенцов? Все это отнимало немало времени, и солнце поднялось уже довольно высоко, когда один из старших мальчиков заметил, что пора по домам, а то, пожалуй, тятка приколотит: зачем баловался так долго, дела не делал. Большинство детей согласилось со справедливостью этого замечания, и вся ватага направилась к выходу из леса. Когда они подошли к дороге, пересекавшей лес, мимо них промчалась на четверке красивых лошадей коляска, в которой сидело семейство одного из соседских помещиков.

— Ишь как важно едут! — заметил мальчуган, следивший глазами за экипажем, засунув пальцы в рот.

— Господа всегда так ездят, — отозвалась одна из девочек. — Вот Аня — барышня, и она, как вырастет, тоже так будет ездить!

— Неправда, я не барышня! — вскричала Аня, вспыхнув. — Я девочка такая же, как ты!

— Совсем не такая! Мы вон босиком ходим, а ты в чулках да в башмаках — как есть барышня!

— Я надела башмаки, потому что бабушка велела, я их терпеть не могу; когда я буду большая, я всегда буду ходить босиком!

Девочка села на землю, быстро стащила с ног чулки и башмаки, бросила их в траву и, догоняя подруг, с торжеством завила, показывая им свои босые ноги:

— Вот я теперь и совсем как вы.

Действительно, между Аней и остальными деревенскими девочками разница была небольшая. Лицо Ани было покрыто таким же густым слоем загара, как и лица ее подруг, руки ее были не менее черны и грубы, волосы ее были так же растрепаны, а одежда ее состояла, так же как и их одежда, из толстой





холстинной рубашки и холстинного же сарафана. Правда, утром, когда девочка уходила из дому, и сарафан, и рубашка ее были совершенно чисты; но она так усердно валялась по траве, пролезала через кусты и садилась на мокрую землю, что чистота эта почти совершенно исчезла.

Дети вышли из леса почти прямо против домика, где жила Аня. Чтобы добраться до моста, им нужно было вернуться назад и пройти с полверсты берегом реки.

— Эка даль какай! — вскричала Аня. — Мне-то особенно! Потом ведь надо будет опять всю деревню пройти! Чего там мост! Я лучше прямо через реку.

Смелая девочка бегом спустилась по крутому берегу реки, подняла выше колена сарафан, чтобы не замочить его, и, не задумавшись ни на секунду, вошла в холодную воду.

За лето речка сильно пересохла. Аня ловко перепрыгивала с камешка на камешек, разбрасывая вокруг себя серебристые брызги и весело вскрикивая, когда вода покрывала ножки ее чуть не до колен. Остальные дети сначала призадумались немного, но пример заразителен: мало-помалу все они точно так же вскочили в воду. Старшие девочки помогали младшим братишкам и сестренкам; шалуны толкали и обливали друг друга водой; боязливые вскрикивания трусливых покрывались громким смехом и шутками всех остальных. Переправа совершилась совершенно благополучно. Аня первая выскочила на берег, наскоро вытерла об траву ноги и пустилась бежать к домику, у дверей которого уже стояла старушка-няня, поджидая проказницу.

— Няничка! — вскричала девочка. — Смотри, сколько я черники набрала! Ты мне спечешь сладенькую ватрушку? Спечешь?

— Ну, черники-то тут не больно много, — заметила няня, качая головой, — а где же твои чулки и башмаки?

— Ах, няня, я их оставила в лесу. Я говорила бабушке, что не буду носить их: девочки все меня дразнят, что я барышня, я не хочу быть барышней!



— Глупый ты, неразумный ребенок! — с ласковым упреком проговорила старушка. — Ну, иди скорей кушать: бабушка давно тебя ждет; смотри, рассердится она за башмаки-то!

Эта угроза, видимо, нисколько не испугала Аню. Она весело вбежала в комнату, весело обняла бабушку, маленькую, седенькую старушку, одетую в темный ситцевый капот и белый кисейный чепчик, и весело начала рассказывать обо всем, что видела в лесу. Няня подала на стол обед семьи, состоявший из молочной похлебки с картофелем и из вареного поросенка с хреном и сметаной, а сама села есть рядом со своей питомицей. Аня болтала без умолку, а обе старушки с радостной улыбкой смотрели на ее оживленное личико и на ее здоровый, чисто деревенский аппетит.

— Я, бабинька, теперь пойду в поле, — объявила девочка, окончив обед и захватив с собой большой кусок черного хлеба, густо намазанный сметаной.

— Иди себе, голубчик, гуляй на здоровье! — отвечала бабушка, провожая ее любящим взглядом.

Аня повернула в сторону, противоположную деревне, пошла вдоль полей, на которых торчали остатки желтых стебельков сжатой ржи, и по меже между двух нив дошла до небольшого пруда, в воде которого полоскалось целое стадо гусей и уток.

На берегу этого пруда, под тенью развесистой ивы, сидел мальчик лет одиннадцати, худенький и бледный, одетый чуть ли не в лохмотья.

— Ну что, Сеня, сделал ты мне? — бросилась к нему Аня.

— Да как же, сделаешь тут, — недовольным голосом ответил мальчик. — Вчера коршун утащил утенка: управляющий уж ругался, ругался, сказал, коли еще что с птицей случится, отошлет меня к отцу, а отец, сама знаешь, какой: до смерти исколотит!

— Экая досада! — грустным голосом проговорила Аня. — Ты и за тростником не ходил?

— Где уж тут ходить, не до того! Аня задумалась.



— А хочешь так, Сеня, — предложила она, — ты сходи за тростником, а я здесь посижу, постерегу птиц?

— Постережешь? — Сеня подозрительно поглядел на свою собеседницу. — А как не усмотришь?

— Усмотрю, Сеничка, голубчик! Помнишь, как ты тогда ходил за белкой, я же смотрела.

— Ну, пожалуй, я пойду, только коли что случится, я так на тебя и скажу. А хлеб ты мне свой отдай на дорогу: небось ты-то уж наелась!

Аня беспрекословно отдала мальчику свой кусок, от которого она успела уже отъесть почти половину, взяла его длинную хворостину и уселась так, чтобы видеть все вверенное ее попечению стадо и самым добросовестным образом исполнить взятую на себя роль.

Сеня, по-видимому, очень довольный выдумкой своей маленькой приятельницы, ушел, насвистывая какую-то песню и с наслаждением кусая Анин хлеб.

Часа два пришлось просидеть девочке на берегу пруда. Чтобы развлечь себя, она несколько раз перегоняла свое стадо с одного места на другое, бросала в воду кусочки травы и любовалась, как птицы ловили их, скликала к себе то утят, то гусят, и все-таки, в конце концов, нашла, что быть пастухом очень скучно и что Сеня ужасно долго пропадает.

Наконец он вернулся, неся в руках несколько палочек тростника, и лицо девочки засияло радостью. Маленький пастух уселся рядом с ней и принялся с помощью обломка ножа выделывать из тростника дудки. Ане давно уже сильно хотелось иметь этот музыкальный инструмент, а никто во всей деревне не сумел бы сделать его так искусно, как Сеня. Когда две дудки были готовы, друзья начали музыкальные упражнения, от которых всякий зажал бы себе уши, но которые доставляли им нескончаемое удовольствие. Наигравшись досыта и от души поблагодарив Сеню за его подарок, Аня побежала домой похвастаться бабушке своим искусством. Старушка работала в маленьком цветничке, обрезая сухие



листья и подвязывая молодые веточки растений. Надобно было полить цветы; Аня тотчас же схватила лейку и побежала к реке достать «самой свеженькой водицы». Чтобы полить весь садик, девочке пришлось раз пять прогуляться таким образом за водой, всякий раз поднимаясь по крутому берегу реки с тяжелой лейкой в руках, — но это нисколько не утомило ее. Ее молодые силы требовали работы; поднимать тяжести, карабкаться на крутизну доставляло ей истинное удовольствие.

Отдохнув несколько минут за чаем, к которому няня приготовила для нее ватрушку с черникой, она опять убежала из дома на берег реки, где ее уже поджидали деревенские товарищи и подруги. Солнце клонилось к закату, дневные работы были кончены, и дети собирались на обычное место своих вечерних игр, на луг, тянувшийся между улицей и рекой. Сено с этого луга было уже скошено и убрано, засохшие стебельки травы несколько кололи босые ноги детей, но на такую мелкую неприятность никто не обращал внимания. Все были заняты шумной, веселой игрой «в разбойники»: одним надо было придумывать, как искуснее нападать, другим — как ловчее спастись от нападений. Аня, назначенная начальницей одного разбойничьего отряда, в пылу битвы толкнула девочку, изображавшую «проезжего», так, что бедняжка упала и получила себе большую шишку в лоб, а сама, за послушание воли главного атамана, была пребольно выдрана им за волосы — но это нисколько не уменьшало ее веселья. На темном небе уже зажглись звезды, а смех и крики детей все еще не умолкали, пока наконец строгие матери не зазвали их в избы, пригрозив за непослушание розгой.

— Ой, как я устала, как спать хочется! — говорила Аня, опускаясь на крылечко своего дома.

Няня раздела полусонную девочку — и она почти не помнила, как очутилась в постельке; бабушка заботливо прикрыла ее чистенькой простыночкой и долго стояла над ней, любясь на ее крепкий, спокойный сон.



— Сударыня, к вам письмо, — проговорила няня, осторожно отворяя дверь спальни. — Иван вернулся из города, привез.

Бабушка взяла конверт, надела очки, не торопясь, распечатала письмо и принялась читать его при свете одинокой свечки. Она читала долго и внимательно, как будто не совсем понимая содержание письма или не доверяя глазам своим.

Когда она кончила наконец чтение, руки ее дрожали, старческое лицо ее побледнело, и она в изнеможении опустилась на близ стоящий стул.

